Леонид Вегер. Записки бойца-разведчика

© Copyright Леонид Леонидович Вегер
Email: vvvmaxim@mtu-net.ru
Date: 08 Sep 2000

Представьте, что Вы, только окончив школу, с Вашим живым характером, жаждой жизни, стремлением к самоутверждению, сели в машину времени и перенеслись в 1942 год на фронт. Вы можете подумать, прочтя эту фразу, что перед Вами фантастические рассказы. Отнюдь. Предлагаемые новеллы относятся к жанру воспоминаний, но при этом написаны так живо, а описываемые перипетии настолько захватывающи, что, начав читать их, невозможно остановиться. Главный герой, от лица которого ведется повествование, попадает в опасные ситуации, связанные с риском для жизни и требующие принятия мгновенных, часто на уровне подсознания, решений. К тому же, он настолько схож с современными 18-летними молодыми людьми, что легко представляешь себя на его месте.

Сведения об авторе

Вегер Леонид Леонидович, родился в 1924 г. на Соловках в семье осужденных, анархистов. После окончания средней школы ушел на фронт. В 1943г. был ранен и остался инвалидом II группы. В 1944 г. поступил и в 1949 г. окончил инженерно-экономический факультет МАИ. Работал на заводах и в научно-исследовательских институтах. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Опубликовал 5 монографий и более 100 научных статей. Последнее место работы - ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

e-mail: vvvmaxim@mtu-net.ru

ОБРЕЧЕННЫЕ

167-я курсантская бригада была сформирована необычно - из отходов, вернее из отбросов.

После того как немецкие войска летом 1942 г. взяли Ростов и хлынули на кубанские просторы, из курсантов военных училищ Северного Кавказа и Закавказья стали срочно формироваться курсантские бригады. При этом в каждом училище, в том числе и в моем Орджоникидзовском, курсантов разделили на "чистых" и "нечистых". Я оказался в числе последних. Среди них преобладали полууголовные ребята из казачьих станиц, а также бывшие заключенные.

Как попал в их компанию я, отличник боевой и политической подготовки, было непонятно. Национальность не была, по крайней мере, главной причиной, т.к. одноклассник, Яша Рихтер, попал в основной состав. (Кстати, после 10-го класса ему было 17 лет, и он не подлежал призыву. Но Яков пошел в военкомат, похлопотал и его взяли вместе с нами.) Перебирая другие свои "грехи", вспомнил, что месяца за два до этого у меня была стычка с командиром отделения. Он обозвал меня "пархатым", я толкнул его в грудь, и началась обычная мальчишеская драка (он был мой ровесник). Прекратил ее проходивший мимо комиссар нашего батальона. На вечерней поверке нам объявили наказания: командира отделения вернули в рядовые, мне дали 10 суток гауптвахты. Впрочем, это не такой уж большой "грех" и не такое уж редкое взыскание, чтобы из-за него отчислять из основного состава.

Сейчас я думаю, что причиной этого была моя мама. Девятнадцатилетней девушкой она оставила свою добропорядочную еврейскую семью и ушла в революцию бороться за свободу и справедливость. Примкнула она к анархистам. Установившуюся советскую власть они не признали и продолжали бороться и с ней. После нескольких арестов ее в 1922 г. отправили на Соловки, где я и родился. Заполняя при поступлении в училище свою первую в жизни анкету, я, как честный, принципиальный комсомолец, указал, что родители были репрессированы.

Нас, человек пятьдесят "нечистых", погрузили в вагоны и отправили в Баку. Там уже собрались подобные группы из других училищ Кавказа. Из них и была сформирована 167-я курсантская бригада.

Мне, как оказалось впоследствии, повезло - я попал в артиллерийскую батарею. Артиллерийское дело мы постигали теоретически, на пальцах, поскольку орудий не было. Зато в мое распоряжение попал крупный костлявый конь. (Батарея считалась на конной тяге). Отношения у меня с ним были сложные. При чистке коня я задел пару раз скребком его сбитую холку, жалел делиться с ним сахарным пайком. Он при удобном случае старался лягнуть меня копытом, не желал признавать своим хозяином.

Вскоре положение на фронте еще более ухудшилось. Немцы стремительно продвигались к нефтяным промыслам Грозного. Нашу бригаду поспешно собрали и погрузили в вагоны. Вечером мы тронулись. Орудий нам так и не дали, сказав, что получим по прибытии на место. Батальоны тоже были вооружены кое-как. Даже винтовки дали не всем. Состав всю ночь безостановочно двигался к фронту. По пути проявился необузданный характер наших ребят. Несколько человек на ходу поезда каким-то образом вылезли на крышу вагона, прогулялись по составу и вычислили, непонятно как, вагон с продовольствием. Вагон был "взят", и вскоре мы все уже жевали хлеб с колбасой. Выгрузились мы рано утром в каком-то осетинском селе. Батальоны начали рыть окопы в паре километров от села, а наша батарея осталась в нем, ожидая прибытия орудий.

Несколько дней стояло затишье в ожидании подхода немцев. Здесь произошел следующий эпизод. Старшиной нашей батареи был бывший зек с Беломоро-Балтийского канала. Надо сказать, что командирами отделений и старшинами, как правило, стали бывшие зеки. Наверное, это было закономерно, учитывая схожесть лагерной жизни и армейской службы. Они были взрослее, лучше знали жизнь, могли заставить нас подчиняться.

Когда старшина, поручавший мне самые неприятные задания, вопреки уставу в третий раз подряд назначил меня в ночной караул, я возмутился, вышел из себя и сказал, что пристрелю его, как только придем на передовую. Старшина опешил, как мне показалось, даже испугался и доложил о моей угрозе политруку. Вечером политрук вызвал меня к себе. Надо сказать, что "нечистыми" в нашей бригаде были не только рядовые, но и командиры. В основном это были, видимо, в чем-то провинившиеся уже воевавшие офицеры. Политрук был суровый, молчаливый человек с тремя кубиками в петлицах. Политзанятия он с нами не проводил и в чем-то был мне симпатичен. Идя к нему, я ожидал любого наказания. Угроза застрелить командира на передовой была нешуточной, тем более что, судя по разговорам, такие случаи бывали. Выслушав мои объяснения и оправдания, политрук вместо разноса отечески объяснил мне, что батарея не укомплектована, что посылать в ночные караулы некого и что у него самого нет пистолета и он рад, что обзавелся карабином. В конце концов политрук дал мне несколько нарядов вне очереди, и этим все кончилось.

На следующий день немцы вышли на нашу оборону. Начались авиабомбежки и артобстрелы. Поддержать наших - подавить вражеские огневые точки - нам было нечем, орудий нам так и не дали. Потом пошли танки, и 167-я курсантская бригада перестала существовать. Две тысячи восемнадцатилетних ребят, вчерашних школьников, погибли. Кем-то надо было жертвовать в первую очередь и пожертвовали ими. Конечно, они были далеко не ангелы. Их вольнолюбивые натуры не принимали ни законов, ни моральных норм. Они были продуктами еще оставшейся казацкой вольницы, полубандиты, признававшие только закон силы. В прошлые времена они пополнили бы рати Ермака, Разина, Пугачева. В нашей регламентированной законами и правилами жизни им было бы трудно. Бог судья и им, и их земным судьям, пославшим их неподготовленными и плохо вооруженными на заклание...

Ближе к вечеру затихающие шумы боя звучали уже позади нас. Мы, необстрелянные юнцы, не представляли себе опасности, не понимали, что мы в "мешке" и что нас ждет участь наших товарищей. Отдать приказ об отступлении никто не решался. (К тому времени уже действовал известный приказ Сталина о расстреле отступающих на месте). Да и отдать приказ об отступлении было некому. Командиры куда-то исчезли. Выручил нас все тот же политрук. Он просто вывел из сарая своего коня и стал седлать. Мы поняли это как указание "делай, как я" и последовали его примеру. Без седел (их у нас не было) мы забрались на своих лошадей и потрусили вслед за ним. Как он ориентировался ночью, на незнакомой местности, среди всполохов света и разнообразных шумов, было непонятно. Среди ночи, правда, у нас появился проводник. Им стал примкнувший к нам молодой, лет тридцати, приветливый чеченец. Он сказал, что в селе вдруг объявился односельчанин, с которым у него кровная вражда и который должен его убить. Дело, видимо, было нешуточное, и он, бросив дом и семью, ударился в бега. Держаться он старался в середине группы и никуда не отходил.

Всю длинную, бесконечную ночь, не слезая с лошадей, мы трусили за своим политруком. Когда рассвело, решили сделать привал. Слезть с коня было почти невозможно. Мы стерли до крови их холки, а их хребты содрали кожу с нас. Все это ссохлось, спеклось, и мы превратились почти в одно целое с нашими лошадьми. После того как мы слезли с лошадей, передвигались мы, наклонившись вперед, широко расставив ноги, на полусогнутых.

Нас оказалось заметно меньше, чем было вечером. Часть ребят, видимо, повернули лошадей и отправились в родные станицы. Я разнуздал свою лошадь и пустил ее пастись. Какой-то листок бумаги белел в траве. Я поднял его. Это была одна из листовок, сброшенных с немецкого самолета. Там был текст: "Горцы! Вспомните заветы Шамиля. Гоните русских с вашей земли..." и что-то еще в этом роде.

Вскоре к нам прибежали подростки из соседнего, как оказалось, чеченского села. Они стали предлагать нам еду в обмен на оружие. Мы были голодны и меняли, что могли. Я сменял пригоршню патронов на чурек и быстро его сжевал.

Потом мы сделали невозможное: опять влезли на своих лошадей и потрусили дальше. К полудню мы наткнулись на заградотряд. Нам приказали сдать лошадей и идти на переформировку. С политруком мы даже не попрощались, его отправили куда-то, и, как это часто бывает на фронте, мы разошлись, не успев узнать имени друг друга. Со своей лошадью, фактически спасшей мне жизнь, я тоже не попрощался, даже не потрепал ее по шее. Война неотвратимо делала из нас жестоких одиноких волков.

ПЕРВАЯ АТАКА И ПЕРВАЯ КЛЯТВА

Наконец-то настоящий бой. Я лежу в углублении, поблизости - никого, пули свистят над головой. Да, это настоящий бой. До этого было не то. В артиллерии, куда я попал вначале, мы посылали снаряды неизвестно куда. Позже, в минометной части, я опускал мины в ствол миномета, они куда-то летели, но ощущения настоящей схватки тоже не было. Неделю назад на переформировке я утаил, что я артиллерист и минометчик и попал в обычную пехотную роту. И вот моя первая атака. Впереди метрах в пятистах - немецкие окопы. Пока мы сделали первый бросок. Стрельба была еще не очень густой. Я бежал быстрее и оказался впереди других. Лежу в углублении, гордый собой. Федор слева и Петр справа отстали, я впереди всех. Но вот Федор поравнялся со мной. Надо готовиться к следующему броску. Огонь стал плотнее, прежней готовности оторваться от земли уже нет. Но надо. Намечаю бугорок, до которого должен добежать. Чуть правее - место, в которое я потом переползу. Сосредотачиваюсь, собираюсь и вскакиваю. Согнувшись в три погибели несусь вперед, добегаю до бугорка, падаю. Огонь становится еще плотнее. Впечатление такое, что пули задевают шинель на спине*.

Федор и Петр залегли на одной линии со мной. Сейчас надо будет подняться и опять подставить себя под пули. Как это возможно? Но выхода нет. Федор уже впереди. Переползаю боком, как краб, на несколько метров вправо, вскакиваю, бегу. На ходу высматриваю укрытие, за которым можно будет залечь. Вижу лежащий впереди труп, бегу к нему. Пронесло, добежал. Я все еще жив и опять впереди всех. Можно расслабиться.

Неожиданно в голове всплывают прошлогодние школьные мысли-воспоминания о бренности бытия. В 17-18 лет мысли, навеянные Байроном и лермонтовским Печориным о никчемности жизни, о ее обыденности, о том, что ты повторишь путь

* Это ощущение очень точно выразил Б.Окуджава: "...Лупили так по нашим спинам...".

миллионов других, что ничего нового в твоей судьбе не будет, одолевают, как известно, многих юношей. Появлялись мысли об уходе из жизни и у меня. И вот тут под свист пуль, когда жизнь висит на волоске, я вспомнил об этих мыслях. Мною почему-то овладел нервный смех, и если бы кто-нибудь увидел меня в этот момент, подумал бы, что я сошел с ума.

И тут я дал первую в своей жизни клятву. Лежа, вжимаясь изо всех сил в землю, упираясь головой в труп, который вздрагивал от вонзающихся в него пуль, зная, что сейчас надо будет встать и подставить себя под огонь, я сказал себе: "В какие бы условия я в будущем ни попал, как бы мне не было трудно, я не допущу даже мысли о добровольном уходе из жизни. Изо всех сил я буду держаться за нее. Не для того я пришел в этот мир, чтобы тут же уйти из него".

Справа недалеко - Петька. Федора нет. Надо подниматься. Как это можно сделать? В очередной раз жалею, что на голове нет каски. Пару недель назад, в очередном марш-броске, шатаясь от усталости, мы сбрасывали с себя все, что только можно - каски, противогазы, штыки, гранаты, патроны.

Не поднимая головы, скашиваю глаз, смотрю: Федора слева по-прежнему не видно. Но чуть дальше справа и слева кто-то равняется со мной. Пора. Сжимаюсь, подтягиваю под себя руки и ноги. Опять боком отползаю в сторону, немного выжидаю, вскакивая и бегу.

РАЗВЕДКА БОЕМ

- Поступаете в распоряжение капитана, - говорит, указывая нам на незнакомого артиллериста, комвзвода Ваня.

Тот скептически оглядел наш малочисленный разведвзвод, и повел нас на передовую.

За минуту до этого ординарец комбата, выйдя из штабной землянки, мимоходом шепнул:

- Пойдете в разведку боем.

Для нас это самое худшее, что может быть. Разведчики привыкли действовать ночью, скрытно. А тут иди в открытую атаку, без артподготовки, ради того, чтобы кто-то засекал огневые точки, из которых по тебе стреляют.

Обычно разведчиков берегут и на такие операции не посылают. Недотепа-Иван не смог настоять, чтобы вместо нас отправили пехотный взвод. Да вдобавок, как всегда, с нами не пошел.

Капитан ведет нас грамотно. Это - не ночной путь, когда на передовую можно пройти напрямую, а сложный дневной маршрут, избегающий открытых мест. С полкилометра идем параллельно передовой под прикрытием откоса. Затем коротким броском перебегаем в соседний овраг (это место простреливается снайперами, и каждый день здесь появляются новые трупы). Оврагом доходим до нашей передовой. По окопу продвигаемся до самого конца и спускаемся к ручью. Вдоль него, за зарослями ивняка, движемся к речке, разделяющей нейтральную полосу.

Берег реки почти весь усеян трупами наших солдат. Все они почему-то азербайджанцы. Видимо, рано утром их часть сконцентрировалась здесь для атаки, но промедлила и попала под сильный огонь с противоположного высокого берега. Через день-два этим же путем должен будет идти и наш батальон. Поэтому выявить немецкие огневые точки, конечно, необходимо. Вот только жаль, что ценою кого-то из нас.

Место нам знакомо. Мы несколько раз в предрассветные часы ходили здесь, рассматривая содержимое полевых сумок убитых. Но однажды снайперский выстрел раздробил автомат на животе помкомвзвода Клочкова. С тех пор мы обходим это место. Сейчас мы тоже обошли этот участок стороной и по короткой ложбине пошли к реке.

Не доходя метров десяти до берега, сели, и капитан произнес короткую речь:

- Объясняю задачу. По моей команде форсируете реку. Немцы открывают огонь. Я засекаю огневые точки.

Капитан достал планшет, вытащил карту и карандаш и скомандовал:

- Вперед!

Что будет дальше я представил себе четко. Хотя мне было 18 лет, я уже месяц воевал в разведвзводе и был опытным бойцом. Сначала ребята будут тянуть время. Один станет перематывать обмотку. Нельзя же бежать в атаку с болтающейся обмоткой! Другой начнет поправлять патрон в диске автомата. Третий - подтягивать ремень и плотнее натягивать ушанку. Новички, глядя на старших товарищей, тоже найдут неотложные дела, чтобы оттянуть роковую минуту. Глядя на это, капитан повторит команду, сопровождая ее матом, и взвод побежит к реке. Пока мы будем ее форсировать, по нам будут бить из винтовок и пулеметов. И для кого-то из нас это будет последняя купель.

Итак, была отдана команда "вперед!". Не дожидаясь повторения, я вскочил и один помчался к реке. Краем глаза засек недоуменные взгляды сидящих ребят. Но я уже влетел в воду и что было сил понесся вперед. До немецкого берега, густо заросшего ивняком, было метров пятьдесят. Все время сверлила мысль, что вот-вот справа с холма в меня ударит пуля. Бежать было трудно. Вода доходила до пояса и казалась очень плотной. Шинель болталась между колен, тормозя бег. Галька выскальзывала из-под ног. Холода я не замечал, хотя дело было в декабре. Но противоположный берег приближался, река становилась мельче, и вот я уже невредимый плюхаюсь на берег между двух корней. Оглядываюсь назад. Ребята входят в воду. Справа застрочил пулемет...

Вечером везучий Клочков, опять оставшийся в живых, выхлопотал у старшины две фляги спирта. Каждый получил двойную порцию. (В нашей части было принято давать спиртное не до, а после атаки - оставшимся в живых доставалось больше.) Перед первой помянули уплывших по реке. После второй я задумался: "А честно ли я поступил, когда бросился первым, не дожидавшись остальных? Ведь я был уверен, что немцы не сидят, прильнув к прицелам, и что я скорее всего успею проскочить. Вспомнились слова из каких-то старых присяг: "Не пожалей живота своего". А я ведь пожалел".

Через час меня вызвал комвзвода.

- Тут нам выделили награды. Я решил представить тебя к медали "За боевые заслуги".

- Не надо, Вань, - сказал я, все еще мучаясь сомнениями. - Я ее не заслужил.

Иван взглянул на меня оценивающе и, решив, что я недоволен столь малой наградой, произнес:

- Ладно, дадим "За отвагу".

Я продолжал отказываться.

- Ну, больше я дать не могу. Орден выделили только один, и то для меня. А медаль ты вполне заслужил. Капитан рассказал, что ты первым бросился в атаку, и за тобой пошел взвод.

- Ну, хорошо, - сказал я. А про себя подумал:

- Пусть будет, как будет. Как решит судьба.

Медаль я так и не получил.

КАК СТАНОВЯТСЯ ОПТИМИСТАМИ

Сальские степи. Декабрь 1942. Очередной марш-бросок. Уже 10 часов молотим и молотим ногами. Усталость овладела всем телом. Периодически кто-то падает, через него переступают, идут дальше. Более сознательные прежде чем упасть делают два шага до обочины и валятся там. Говорят, что сзади идет машина и подбирает лежащих. Большой соблазн тоже отдаться во власть усталости и свалиться. Гордость не позволяет.

Давно выброшены противогазы и штыки, выбрасываем каски, освобождаемся от всего, что хоть что-то весит, выбрасываем патроны и гранаты.

Я расстался со своим штыком месяц назад, едва придя на фронт. Расставание было драматическим... В училище благодаря быстрой реакции я хорошо фехтовал. Комвзвода на занятиях по штыковому бою вызывал для демонстрации именно меня. Поэтому в мечтах я представлял себе, как, придя на фронт, отличусь в штыковом бою. Попав на фронт, я бережно относился к своему трехгранному другу, хотя остальные солдаты выбросили их после первых же походов. Мой штык создавал для них неудобства. Особенно ночью, когда мы вповалку и в тесноте спали на полу. Но, несмотря на их "просьбы", я его не выбрасывал и ждал рукопашной. Проснувшись однажды утром позже других, я увидел, что штыка нет. Ребята ухмылялись. Если в кино о Великой Отечественной вам покажут рукопашную схватку, не верьте, это ложь.

Утром начштаба еще шутил: "Война выигрывается ногами," а мы смеялись. Сейчас не до шуток. С неба сыплется то ли дождь, то ли снег, и дует ветер. Под ногами то раскисшая глина, то песок. Растительности почти никакой. Только засохший бурьян. Населенных пунктов тоже нет.

Дали сухой паек: по селедке и куску кукурузного хлеба. После привала подняться почти невозможно. Темнеет. А мы все идем и идем.

Наконец голоса: "Пришли". Падаем на землю. Через какое-то время мокрый снег и ветер заставляют подняться. Оглядываюсь вокруг. Никаких строений. Голая степь. Солдаты лежат на земле. Становится нестерпимо холодно. Бьет дрожь. Ветер и дождь со снегом не прекращаются. Видны следы старой, обсыпавшейся оборонительной линии. По укоренившейся разведческой привычке обхожу окрестности. В поисках какого-либо укрытия отхожу все дальше и дальше. Ура! Натыкаюсь на отдельный небольшой окопчик около метра глубиной. Из последних сил ломаю бурьян, укладываю его на дно. Нахожу какие-то стебли и делаю из них крышу, закладываю ее листьями бурьяна, присыпаю сверху землей. Дворец готов. Забираюсь внутрь, снег не проходит, очень уютно. Снимаю шинель, накрываюсь ею и постепенно согреваюсь. Усталость уходит.

В преддремотном состоянии всплывают старые воспоминания о прошлой жизни, недовольстве ею. Но сейчас же их вытесняет благостное чувство тепла и уюта. И тут даю себе Вторую Великую клятву: Если даже в самых тяжелых обстоятельствах у меня будет возможность вырыть окопчик и жить в нем, я буду считать себя счастливым и ни за что не стану роптать на судьбу.

НОВЫЙ ГОД

31 декабря 1942 г. наша 7-я Гвардейская бригада шла пустынной Сальской степью. Опять бесконечная ходьба. Вдобавок есть хочется больше, чем всегда. Рацион урезан. Грузовики с нашими продуктами и новогодними подарками попали пару дней назад к немцам. А нам так хотелось получить эти подарки! Заблудившихся шоферов можно понять. В Сальской степи, где нет никаких ориентиров, заблудиться немудрено.

Нескончаемая дорога вьется между песчаными холмами. Все однообразно и монотонно. И вдруг в небе, пересекая наш путь, появились две большие птицы, похожие на кур. Чувствуется, что они упитанны. Раздался выстрел, другой, третий. Птицы продолжают лететь. Раздалось несколько автоматных очередей. Затем началась сплошная стрельба. Почти все подняли свои автоматы, винтовки, карабины и начали палить по птицам. А они продолжали лететь, как ни в чем не бывало. Вся степь огласилась таким гулом, что казалось идет серьезный бой. Несколько командиров метались между стреляющими и что-то кричали. Но ничего не было слышно. Всеми овладел азарт, две тысячи стволов продолжали стрелять. Казалось чудом, что птицы еще машут крыльями и летят. Но вот одна как будто ударилась о невидимую стену. Одно крыло перестало махать. Она не может понять, что случилось, машет крылом и пытается как-то установить равновесие. Но вот, видимо, еще одна пуля настигла ее, она перестала махать крыльями и начала падать. Вторая птица почти тут же замерла в полете и устремилась вниз.

Несколько десятков солдат кинулись за ближайший холм к месту их падения. Что там происходило не знаю. Но обошлось все же без жертв.

Движемся дальше, обсуждая случившееся. Спускаются сумерки. Делаем еще переход и останавливаемся на ночлег. Вокруг все та же степь с песчаными, поросшими бурьяном холмами. Мы, человек десять из взвода разведки, расположились в лощине, сели на землю, молчим, отдыхаем. Пытаемся из сырых веток кустарника разжечь костер. Ничего не получается. Сказали, что ужина не будет. Пронизывающий ветер донимает все больше. Сидение в холоде, да еще во влажной одежде, становится неуютным. Вспоминаю, что это новогодняя ночь, наша невеселая новогодняя ночь. Спать еще не хочется. Мы, разведчики, привыкли, что основная наша деятельность проходит по ночам: то боевое охранение, то попытки взять "языка", то доставка боеприпасов в роты, то ведешь кого-то ночью на передовую, то сопровождаешь туда повара с кухней, то что-то еще.

Когда усталость немного прошла, вскидываю автомат и иду в темноту прогуляться по окрестностям. Замечаю в соседней ложбине что-то вроде привязи, около которой стреножены лошади. Иду туда. Лошади одни, никого нет. На мордах у них болтаются торбы то ли с овсом, то ли с чем-то еще. Они периодически их встряхивают и жуют содержимое. Подхожу ближе. Щупаю торбу у одной из них и определяю, что там кукурузные початки. Засовываю руку в торбу, предварительно дав лошади шлепок, чтобы не вздумала кусаться и достаю кукурузный початок. Он в зеленой лошадиной слюне и до половины изгрызен. Вытираю початок о полу шинели и пытаюсь жевать. Зерна высохшие, твердые как камень. Таким же образом достаю еще початок, кладу его в карман и, жуя, иду дальше.

Уже совсем темно. Недалеко светится какой-то огонь. Я иду к нему. Это костер. Вокруг сидят несколько командиров из штаба нашего батальона. У костра лежит часть железнодорожной шпалы. Штаб возит их с собой на подводе и при ночевках в степи использует для костра. Стою какое-то время в темноте, потом берусь за костыль, торчащий из шпалы, и начинаю понемногу оттаскивать ее от костра. Движение - пауза, движение - пауза, и вскоре я уже нормальным шагом тащу шпалу к нашему бивуаку.

Ребята по-прежнему лежат, сжавшись, на земле. Достаю штык-кинжал, откалываю от шпалы щепки. Когда их становится достаточно, бужу помкомвзвода Клочкова, у которого хорошее кресало, и разжигаю костерок. Вдвоем расщепляем шпалу, подбавляем щепок в огонь, и вскоре он уже горит ярким, горячим пламенем. Пододвигаемся к нему как можно ближе, потому что в спину дует пронизывающий ветер. Становится тепло. Дожевываю кукурузные зерна, кажущиеся уже вкусными, и укладываюсь. Засыпая, опять вспоминаю, что это новогодняя ночь, и решаю, что она не так уж плоха.

Просыпаюсь от ощущения, что у меня горит нога. Действительно, я лежу почти в костре, шинель тлеет и ее правой полы уже нет. Несколько дней нового года хожу в шинели с одной полой.

ЗА "ЯЗЫКОМ"

Уже несколько часов февральской ночью 1943 года мы ходим по нейтральной полосе с заданием добыть "языка". Действуем прямолинейно. Идем в сторону немецкой передовой в надежде ворваться в окопы и захватить в плен немца. Но вот уже два раза нарываемся на немецкое боевое охранение. Те открывают по нам огонь, к нему присоединяются остальные, и мы отходим. Убитых и раненых среди нас пока нет. В темноте перемещаемся на полкилометра левее и опять движемся к немецким позициям. Нас снова обнаруживают, открывают огонь, и мы опять отходим. Раненых и убитых по-прежнему нет.

Скорее всего "языка" мы сегодня не добудем. Группа захвата составлена из новичков, которые пополнили наш батальон несколько дней назад. Командир группы - капитан, тоже из невоевавших. В нашем батальоне такого высокого звания ни у кого нет. Даже комбат у нас лейтенант. Наверное, капитану приказали возглавить эту операцию "на новенького", чтобы не очень задавался. Поэтому группа действует не очень настойчиво, отходя преждевременно. Мы, несколько бывалых бойцов из разведвзвода, держимся в тени и не высовываемся.

После третьей неудачной попытки группа еще раз сместилась влево. И тут оказалось, что мы вышли на место, которое нам, разведчикам, знакомо. Предыдущей ночью мы успели побывать здесь и, встретившись с разведчиками из соседней части, разговорились.

- Хорошее место для атаки, - сказал я, глядя на пологий спуск к реке от наших окопов и такой же пологий выход к немецким.

- Да, - ответил разведчик соседней части. - Место удобное, но, говорят, заминированное.

Теперь с группой захвата мы подошли к этому месту. Ночь была на исходе. У нас оставалась последняя попытка. На дне ложбины мы немного отдохнули, покурили и собрались идти в сторону немцев.

- Здесь, вроде, минное поле, - неуверенно сказал я.

Чей-то кулак пнул меня в бок.

- Тебя что за язык тянут? - прошипел помкомвзвода Клочков.

Я опешил и усиленно зашевелил извилинами. Действительно, положение, как сказали бы теперь, сложное. Целую ночь мы пытаемся достать "языка", и нет ни его, ни потерь. Могут подумать, что мы отсиделись в укромном местечке. Надо чтобы кого-то хотя бы ранило.

Группа пошла. Я пристроился в середине к одному из солдат и пошел за ним след в след. Идти ночью по минному полю - не сахар. Ужас сковывал меня при каждом шаге. Как только я делал шаг и выносил ногу вперед, меня охватывал страх. Мне казалось, что именно в этот момент раздастся взрыв, и у меня оторвет... Я почти физически ощущал, как это произойдет. Что может быть страшнее для восемнадцатилетнего юноши?

Я старался изменить походку, пытаясь идти не раздвигая колен. Пусть лучше оторвет ноги. Но при такой походке я не доставал до следа предыдущего солдата.

Так мы прошли еще минут пять. Потом неожиданно из земли вырвалось черно-красное пламя. Раздался взрыв. На мгновенье я инстинктивно зажмурился. Когда я открыл глаза, шедшего впереди солдата не было. Это было как чудо. Только что он был, и вот его нет. Вокруг тишина. Ни стона, ни звука. Все замерли в оцепенении. Затем повернулись на одной ноге на сто восемьдесят градусов и зашагали обратно. Скоро дошли до дна ложбины и начали подниматься к нашим окопам. Где-то в глубине сознания шевельнулась мысль, что все позади, что мы сделали все, что могли, и наконец-то можно будет поспать.

ДЕЗЕРТИР

- Увольнительную не имею права дать, - сказал командир батальона. - Ее может дать только комбриг, а он еще где-то в пути. А что тебе уж так надо увидеть свою тетку?

- Да, она мне была вместо матери. Тетя взяла меня к себе после смерти мамы, и я жил у нее в Ессентуках последние три года.

- Иди без увольнительной, но к утру возвращайся.

Часа за два до этого наш батальон вошел в Железноводск, откуда до Ессентуков, освобожденных от немцев днем раньше, километров двадцать. Одна из улиц вела в нужном направлении, и я весело зашагал по ней, предвкушая встречу с одноклассницами. На окраине я подошел к последнему дому и забарабанил в дверь. В это тревожное время, да еще к ночи никому не открывали и не подавали признаков жизни. Но в конце концов, убедившись, что я не уйду, старческий голос произнес:

- Что надо?

- Где дорога на Ессентуки? - спросил я.

- Да вот по этой дороге и иди.

Я зашагал дальше. Через пару километров наткнулся на стаю шакалов, грызших валявшуюся на дороге дохлую лошадь. До них оставалось метров десять, а они все еще не разбегались.

- До чего обнаглели, - подумал я и, передвинув автомат из-за спины на бедро, дал по ним очередь. - Сколько их развелось! Впрочем, немудрено - пищи-то навалом. Табуны лошадей лежат вдоль дорог со вздувшимися животами. Жалко их. Очень уж они не приспособлены к современной войне. Не могут спрятаться ни в окоп, ни в подвал, ни залечь. А над землей летят пули, осколки, снаряды.

Недавно рядом с нами стояла батарея на конной тяге. Так там породистому красавцу-тяжеловозу, которым мы все любовались, когда по вечерам его водили на водопой, во время бомбежки осколком срезало половину морды. Глаза были на месте и смотрели на нас, а вместо передней части - носа и рта, белели кости. Конюх, пожилой солдат, со слезами на глазах вел его за станицу, чтобы пристрелить. И хотя мы привыкли к смерти, лошадь почему-то стало жалко.

Топаю дальше. Вот и Ессентукский английский парк, переезд через пути. Вхожу в городской парк, где еще полгода назад гуляли с друзьями, слушали концерты на открытой эстраде, танцевали на танцплощадке. Совсем немного, и я постучу в родную дверь. Вот удивится тетя. Предвкушая радостную встречу, запел. Почему-то привязалась джазовая песенка:

Моя красавица мне очень нравится
Походкой легкою, как у слона,
Немножко длинный нос, макушка без волос,
Но все-таки она милее всех.

- Товарищ боец! - раздалось вдруг в ночной тишине. - Ваши документы!

Ко мне подошел патруль. Солдаты были какие-то чистенькие, гладенькие. Видимо, еще не воевали. Веселым голосом объясняю, что я боец взвода разведки 1-го батальона 7-й бригады 10-го гвардейского авиадесантного корпуса, что я иду к своей тетке, которая живет здесь, за углом, и что к утру должен вернуться к себе в часть.

- Давай увольнительную, - говорит старший.

- Да что вы, ребята!? Какая увольнительная? Штаб бригады был далеко, и комбат разрешил мне сходить без нее.

- Ничего не знаю. Предъявляй увольнительную.

Довольно долго мы так препирались.

- Идем в комендатуру. Там разберемся.

Понимая, что выхода нет, иду с ними.

Комендатура помещается в здании городской поликлиники. Дежурный офицер, одетый почему-то в морскую форму, сидит в кабинете заведующего.

- Задержали дезертира, - докладывает один из патрульных.

Я в который раз рассказываю, как было дело. Офицера клонит в сон, и он в полуха слушает мои объяснения.

- Заберите оружие, отведите к остальным. Утром разберемся.

Патрульные, стоявшие у дверей, идут ко мне. Тут я теряю самообладание, и все дальнейшее происходит, как во сне. Я отскакиваю в угол, привычным движением перевожу автомат на бедро, взвожу затвор и направляю на патрульных. Сам не знаю почему, говорю выспренную фразу:

- Гвардейцы оружия не сдают. Буду стрелять.

Патрульные в недоумении замерли. Установилась напряженная тишина. Рука офицера потянулась к кобуре. Я перевел автомат на него. Тут он оказался на высоте. Неожиданно спокойным голосом он произнес:

- Ладно, отведите его, как есть.

В зале стояло, сидело, лежало человек тридцать безоружных солдат опустившегося вида. Некоторые были пьяны. Я нашел свободное место и улегся. Мрачные мысли бродили в голове. Вместо того, чтобы гулять по городу, красоваться перед одноклассницами, я сижу в каталажке. Завтра меня скорее всего отправят в штрафбат, я расстанусь с родным батальоном, с товарищами. Наконец дала знать о себе усталость, и я заснул.

Утром новые, сменившиеся караульные вывели нас во двор оправиться. Потом арестованные стали возвращаться в здание. Я стоял в дальнем конце двора и игнорировал происходящее, как будто оно не имело ко мне отношения. Караульный пропускал мимо себя одного задержанного за другим, и, когда прошел последний, вопросительно посмотрел на меня. Я продолжал стоять в пол-оборота к нему, ненавязчиво демонстрируя свой автомат. Внутри у меня все дрожало, я боялся встретиться с ним взглядом, опасаясь выдать себя. Какое-то время он еще смотрел на меня, потом повернулся и пошел догонять ушедших.

Помещение поликлиники мне хорошо знакомо. Здесь год назад мне делали двадцать четыре укола в живот после укуса собаки. Погуляв еще немного по двору, я уверенной походкой поднялся на крыльцо и через боковой служебный вход вышел на улицу.

Как на крыльях, я понесся от этого здания.

- Товарищ боец! - раздался вдруг над ухом грозный голос.

Душа ушла в пятки. Неужели кто-то обнаружил мое бегство? Поворачиваю голову. Рядом стоит направлявшийся к комендатуре майор невысокого роста, одетый с иголочки. - Почему не приветствуете старшего по званию?

- Милый, - пронеслось в голове. - Да я готов тебя облобызать, не то что приветствовать. Слава богу, что ты остановил меня лишь из-за этого. Только не отводи меня в комендатуру.

Проникновенным, заискивающим голосом я прошу у него прощения, обещаю исправиться и никогда больше не нарушать устав. Он читает мне короткую нотацию и отпускает.

Боковыми улочками подхожу к своему дому и стучу в дверь. Раз, другой. Тишина.

Справка

В документах архивного фонда Ставропольской краевой комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников в г. Ессентуки за период оккупации с 11 августа 1942 г. по 11 января 1943 г. в списке граждан города Ессентуки (еврейской национальности), расстрелянных оккупантами значится Вегер Мария Моисеевна, 43 года, проживавшая по ул.Фрунзе, 8.

Основание: ФР-1368, оп.1, д.69, л.4.
Печать Государственного архива Ставропольского края
Директор крайгосархива Подпись О.К.Арефьев
Зав. отделом Подпись В.А.Водолажская

Свой батальон я догнал только через три дня. Встретившийся начальник спецчасти удивленно посмотрел на меня и сказал:

- А я отправил бумаги наверх, что ты дезертировал.

АТАКА-ПОКАЗУХА

С наступлением темноты наша часть пришла сменить измотанный, почти выбитый кавалерийский полк. Он ушел на пополнение, а мы начали размещаться в их окопах. Почему-то они были усеяны казацкими шашками. Видимо, убедившись в их ненадобности, кавалеристы обошлись с ними так же, как мы со своими штыками. Наши офицеры, ребята чуть старше нас, тут же нацепили шашки и портупеи и весь вечер щеголяли в них.

Наш взвод разведки занял несколько окопов около блиндажа, где располагался штаб батальона. До утра, когда должно было начаться, по-видимому, наше наступление, делать было нечего. Мы, несколько ребят из взвода, вылезли из окопов и пошли "прогуляться" на нейтральную территорию.

Сейчас я даже не могу понять, что нас толкало на такие действия. Приказов никто нам не отдавал, понимания того, что знание этой местности может пригодиться, у нас не было. Наверное, нами двигало любопытство, мальчишеская жажда приключений.

Итак, мы шли в сторону немецких окопов, осторожно всматриваясь в темноту и прислушиваясь к отдаленному шуму фронта: гулу артиллерийской канонады, разрывам мин и снарядов. (Помню, когда я оказался в госпитале и утром впервые пришел в себя, меня поразила и даже испугала именно тишина.) Сейчас, когда мы двигались к немецким окопам, с их стороны тоже почему-то не доносилось обычных звуков стрельбы.

Уже видна линия окопов. Мы подошли к ним метров на 50, но оттуда не доносились ни выстрелы, ни голоса. Можно было повернуть назад, но мы все-таки продвигались крадучись вперед, ожидая каждый момент пули в живот. Наконец подошли к самым окопам и увидели, что они вроде бы пустые. Надо проверить, - может быть, немцы спят в блиндаже. Мы разделились. Двое ребят пошли вправо, а я влево по брустверу, не спускаясь в окоп. Вскоре я наткнулся на отходящую вглубь позиций траншею и пошел над ней. Она упиралась в блиндаж. Его дверь была закрыта. Я остановился в раздумье: открывать дверь было рискованно, в блиндаже могли оказаться немцы. Вначале хотел бросить через трубу дымохода гранату, но потом решил войти в блиндаж через дверь.

Держа на изготове автомат в правой руке, левой осторожно, стараясь не скрипеть, открыл дверь и вошел во внутрь. Там было тихо, и через минуту, когда глаза привыкли к темноте, я убедился, что в блиндаже никого нет.

Блиндаж был оставлен, как всегда, в идеальном порядке. Все бутылки были пустые, ничего съестного не оставлено. Я вышел наружу и присоединился к ребятам. Мы осмотрели еще несколько блиндажей, ничего интересного не нашли и, не торопясь, двинулись к своим, тем более, что уже светало.

Не успели мы вздремнуть, как нас разбудил шум. Батальон готовился к атаке. Атака была необычной: в рядах атакующих находился весь штаб батальона во главе с комбатом. Я подошел к комбату и сказал, что немецкие окопы пусты.

- Откуда ты знаешь? - спросил он недоверчиво.

- Ночью мы там были.

Я увидел сомнение в его глазах. Надо все-таки сказать, что пули вокруг нас свистели. Вообще эти пули, пули на излете, летят на передовой всегда, неизвестно почему и откуда. Кажется, немцев нет, а пули почему-то свистят. Впечатление такое, что они рождаются из воздуха. Бывалые фронтовики не обращают на них внимания (нельзя же все время, да и не к чему, ползать по-пластунски). Впервые попавшие на передовую реагируют на эти пули, и по этому их можно опознать.

Атака тем временем развивалась по всем правилам. Атакующие бросались вперед, потом залегали и снова бросались вперед, связной тянул связь вслед за комбатом. Мы шли рядом в полный рост и чувствовали себя крайне неудобно: взрослые, солидные, уважаемые командиры залегали на землю, а мы стояли рядом и стыдливо отворачивались. Комбат в телефонную трубку докладывал комбригу, что атака при участии всего штаба развивается нормально, что они готовы к последнему броску.

За личное участие в атаке офицеры штаба были награждены орденами.

АТАКА РАДИ "ГАЛОЧКИ"

Уже две недели наша гвардейская бригада ведет наступление вместе с бригадой морских пехотинцев. Поочередно, то они, то мы выходим вперед, взламываем немецкую оборону и отходим на пополнение. На этот раз морские пехотинцы атаковали особенно отчаянно. Они всегда ходили в атаку не так, как мы. Если мы ходили молча, то от их "ура-а-а!" мурашки пробегали по коже даже у нас, хотя мы находились сзади. Казалось, их невозможно остановить, даже ранеными они будут ползти вперед, чтобы зубами вцепиться во врага. (Сейчас экстрасенсы сказали бы, что перед моряками катилась мощная волна энергетики, подавлявшая и сметавшая противника.)

В это утро так и произошло. Сначала немцы оставили свои окопы, потом несколько бараков МТС, стоявших перед станицей, а затем и саму станицу. Бегство произошло в такой панике, что в станице остался грузовик, нагруженный бутылками со шнапсом. Скептики потом говорили, что это было сделано специально. Но как бы то ни было, через час моряки поголовно лежали без чувств.

Когда через некоторое время немцы пошли в контратаку, отражать ее было некому, и немцы вновь заняли станицу. Моряков, валявшихся на видных местах, застрелили, а лежавших в огородах и других укромных местах пока не обнаружили.

Наша бригада в это время начала занимать оставленные немецкие окопы, а взвод разведки обосновался впереди, в бараке МТС. Из станицы прибежал один из уцелевших морских пехотинцев и рассказал о произошедшем. Командир взвода повел его в штаб. Через час комвзвода вернулся, позвал меня и говорит:

- Леонид, бери взвод и веди в атаку.

Ко мне он обратился неспроста. Я был сознательным, наивным восемнадцатилетним комсомольцем, стремящимся вдобавок доказать себе и другим, какой я смелый. Сомнений, что надо атаковать и выручать моряков не было. Я начал готовиться к атаке, но тут увидел, что взвода нет. Ребята "замаскировались".

- Ваня, где взвод? С кем идти?

Он огляделся и убедился, что взвода действительно нет.

- Возьми партизан, - сказал он.

Группу партизан влили в наш взвод несколько дней назад после освобождения Минеральных Вод.

- Ваня, как же мы будем атаковать всемером?

- Что делать. Надо. Приказ. А батальон только разворачивается. Давай, иди, не бойся.

- За мной! - скомандовал я партизанам и выскочил из ворот барака. Партизаны двинулись за мной. Мы пробежали метров сто, пока по нам не открыли стрельбу, и залегли. Второй рывок пришлось делать под огнем, и мы легли метров через тридцать. К следующему броску я начал готовиться серьезно. Наметил метрах в двадцати место, до которого я должен добежать, присмотрел рядом углубление, куда потом переползу. Все так и произошло. Лежу в углублении, бывшей луже, и чувствую, что-то неладно. Не отрывая головы от земли, оглядываюсь и вижу, что я один. Партизаны, непривычные к открытым действиям, струсили и исчезли.

Итак, я лежу один посреди площади. Из крайних домов, до которых оставалось метров двести, по мне стреляют. Я изо всех сил прижимаюсь к земле, сдвигаю на бок запасной диск и еще плотнее вдавливаюсь в бывшую лужу. Лихорадочно работает мозг:

- Что делать? Подняться и бежать назад бессмысленно, подстрелят. Открыть стрельбу по немцам. Они близко и хорошо видны.

Включился инстинкт самосохранения:

- Конечно, ты убьешь нескольких немцев, но живым отсюда уже не уйдешь.

В конце концов решил изображать убитого. Через какое-то время стрелять перестали. Скосил глаза на немцев и увидел, что они сбегаются к крайним домам. Понял, что готовится атака, и первой ее жертвой буду я. Надо уматывать. Еще раз огляделся. Слева и чуть сзади, в метрах тридцати-сорока курятник. Я метнулся туда и залег за ним. Опять началась стрельба. Глинобитные стены прошивались насквозь, но это уже был неприцельный, не столь опасный огонь. Когда он стих, я выждал еще с полчаса и, петляя, как заяц, помчался к бараку. Немцы были заняты подготовкой к атаке и почти не стреляли. В бараке я отыскал комвзвода и доложил о неудавшейся контратаке. Вместо ожидаемых упреков, я услышал похвалу.

Потом знакомый штабной телефонист передал мне, что комбат доложил наверх, что приказ о проведении контратаки выполнен, но она была отбита. После этого я понял, что на фронте бывают атаки для "галочки".

АТАКА ИЗ ПОСЛЕДНИХ СИЛ

Весь день наш батальон пытается пробить немецкую оборону. Почему-то ничего не получается. Обычно, когда мы очень нажимаем, они отступают; когда они очень нажимают, мы отступаем. А тут они почему-то держатся и не отходят. Впрочем, атаки наши довольно слабенькие. Артподготовка не проводится, танковой поддержки нет. Да и пополнение, которое нам придали, не такое уж упорное. Пройдут полпути до немецких окопов, а дальше их не поднимешь.

К вечеру оказалось, что в ротах почти не осталось живых. Уже после ужина, когда мы сидели за своими котелками, пришел связист из штаба батальона и сказал, что был серьезный разговор со штабом бригады. Опять был получен приказ взять немецкие окопы во что бы то ни стало. Комбат чуть не плакал, говорил, что атаковать некем, что приказ выполнить невозможно. Но приказ повторили, и завтра с утра надо будет снова идти в атаку. Будут собирать все остатки, кого только можно.

Действительно, через какое-то время пришел командир взвода и сказал, чтобы мы перебазировались в окопы первой роты. Вместе с нами пошел взвод автоматчиков, человек 10, наскребли несколько человек связных от командиров, которых обычно тоже в атаку не посылают. И мы, человек 30, в темноте пошли в расположение рот.

Опять идти в атаку. Когда я попал в пехоту и в первый раз сходил в атаку, я понял - это мясорубка, самое худшее, что может быть на фронте: от тебя ничего не зависит, ты обязан подниматься под пулеметный огонь и идти вперед. Служба в авиации, танковых частях, артилерии и т.п. - санаторий по сравнению с пехотой, воюющей на передовой. Шансов остаться в живых у пехотинцев в десятки раз меньше. Поэтому, попав на какую-то очередную переформировку, я решил, что пойду куда угодно, только не в пехотную роту. Когда нас выстроили на площади и начали отбирать кого куда, вдруг появился какой-то лейтенант, прошел перед строем, посмотрел на нас, отошел и сказал: "Смелые, два шага вперед!" Считаться смелым мне очень хотелось. Что-то меня подтолкнуло, и я сделал два шага вперед. Еще какой-то парень сделал то же самое. Лейтенант критически нас осмотрел и сказал: "Пошли!" Так я попал во взвод разведки.

Пришли в окопы передовой, кое-как подремали и как только рассвело начали готовиться. Поле впереди - совершенно ровное. Единственное укрытие - множество трупов наших солдат, накопившихся за дни атаки. Вылезаем из окопов и безмолвно идем вперед. В отличие от морских пехотинцев, о которых я говорил, мы атакуем без криков "ура!". Мы, 7-я гвардейская авиадесантная бригада, атакуем молча, настойчиво продвигаясь вперед. Кстати, клич "за Родину" или "за Сталина" я слышал только в кино.

Метров через 30 по нам начинают стрелять, потом все интенсивнее и интенсивнее. Залегаем. Бросок за броском, от трупа к трупу приближаемся к немцам. Начался минометный обстрел. Впереди встает непреодолимая стена из земли, осколков и пуль. Я вжимаюсь в землю и жду, когда прекратится минометный обстрел. Наконец, он стих. Надо делать очередной бросок. Хотя пули свистят вовсю, готовлюсь, набираюсь решимости, потом сжимаюсь в пружину, выскакиваю и несусь вперед.

Линия немецких окопов уже близко. И вдруг чувствуется: что-то произошло. Непонятно что, но потом догадываюсь: из немецких окопов перестали стрелять. Неужели немцы убежали? Не верится. Чудо. Это бегство всегда воспринимается как тайна. Не понятно, почему они убегают. Они сидят в укрытиях, в безопасности. Мы идем на них почти в полный рост и представляем собой хорошую мишень. Они могут спокойно нас расстрелять. Зачем убегать?

Я понял это, когда сам оказался в роли атакуемого. Ты сидишь в окопе и стреляешь в бегущего на тебя немца. Ты, вроде, верно прицелился, ты стреляешь в него раз, другой. А он, как заколдованный, снова встает и идет на тебя. Появляется мысль, что, может быть, в твоем автомате сбита мушка, искривлен ствол. И когда он приближается, ты уже уверен, что он неуязвим, что его нельзя убить.

СИЛА СЛОВА

После многих дней наступления наконец-то наступило утро, когда не надо было ни идти в атаку, ни совершать марш-бросок. Мы остановились во взятой накануне станице и ждали пополнения. В это утро мы, несколько бойцов, оставшиеся от взвода разведки, продолжали спать, хотя время шло к полудню. В избу вошел командир взвода, разбудил нас и сказал, что на взвод выделили орден "Красной звезды" и медаль.

- Леонид, придется дать его тебе," - обратился комвзвода ко мне. Вынув из планшета наградной лист, он начал его заполнять, описывая один из эпизодов последних дней. Потом начал заполнять наградной лист на другого бойца, а я вышел во двор. Из-за сарая высунулась голова Николая Махачкалинского, тоже бойца нашего взвода, исчезнувшего с началом горячих дней. Позвав меня за сарай и оглядываясь, он спросил:

- Меня хватились? Обо мне разговор был?

- Нет. Все в порядке. А где противотанковое ружье? - спросил я.

В ответ на мой вопрос Коля, выругавшись, махнул рукой.

С противотанковым ружьем связана целая история. Когда-то еще до моего прихода в эту часть, как рассказывали старожилы, во время атаки немецкие танки прорвались к штабу батальона. Наш комбат, лейтенант Каноненко, лег за противотанковое ружье и, лично подбив, как говорят, один или два танка, отразил атаку. Его представили к званию Героя Советского Союза, а нашему взводу разведки дали на "баланс" противотанковое ружье. Давали его "на новенького" и вручили Николаю. После нескольких походов он возненавидел его лютой ненавистью.

Николай попал в наш взвод не по своей воле. Предыдущий командир взвода, как я уже писал, отбирал бойцов в разведку так: он выходил перед строем солдат, приведенных на пополнение и объявлял: "Смелые, два шага вперед!". Таким образом попал в разведку я. Новый комвзвода, Ваня, ходил перед строем и отбирал тех, кто ему нравился. Коля, довольно рослый парень, был из их числа. Он отличался от нас тем, что мог красочно расписать то, чего не было, и был большой мастер по "маскировке" - исчезновению в опасные моменты.

Когда комвзвода увидел Николая, он набросился на него: "Где ты пропадал?". И тут Николай оказался на "высоте" и выдал чудесную байку.

- Утром, когда началась немецкая атака, я был в окопах чужой части. Немцы подошли близко. Я бросил одну за другой две гранаты. Остальные солдаты были совсем свеженькими, не умели с ними обращаться и боялись бросать. Они подносили гранаты ко мне, и я, швыряя их одну за другой, отбил атаку.

- А где противотанковое ружье?

- Знаешь, Ваня, во время следующей атаки немцы нас почти окружили, и я увидел, что с ружьем выйти не удастся. Я вытащил из ружья затвор, бросил его в овраг и кое-как спасся. А командир их роты приказал быть все эти дни при нем.

Весь этот рассказ, пересыпанный яркими подробностями, которые я уже не помню, Ваня слушал с большим интересом. По окончании он восхищенно посмотрел на Николая и, повернувшись ко мне, сказал:

- Слушай, а ведь орден надо дать Николаю?

Я неуверенно кивнул головой. Мы вошли в дом, Ваня сел за стол, достал планшет, разорвал наградной лист на меня и стал заполнять новый на Николая.

СОЛДАТСКАЯ РУЛЕТКА

Игра со смертью, в которой человек добровольно рискует жизнью без всякой необходимости, характерна для юношества. В рассказе американского писателя "Русская рулетка" два подростка выясняют отношения, приставляя поочередно к виску револьвер, и, крутанув барабан, в котором заложен один патрон, нажимают на спусковой крючок. Судя по названию, подобные игры - одно из проявлений загадочной русской души. Во всяком случае трудно представить себе, например, немецкого юношу с его повышенным инстинктом самосохранения и отсутствием комплекса неполноценности, поскольку он вырос в атмосфере любви и уважения, участвующим в такой игре.

На фронте подобную игру я наблюдал всего раз: возможностей доказать свою смелость здесь было предостаточно, а смерть и без того подстерегала на каждом шагу.

В этот день мы, несколько ребят из взвода разведки, оказались в окопах первой роты. Ночью я привел сюда полевую кухню. Кстати, сопровождать повара было необходимо, так как предыдущей ночью он, то ли заблудившись, то ли испугавшись, скормил еду неизвестно кому, и роты целые сутки были голодными.

В штаб возвращаться не хотелось. Я нашел отдельный окопчик и завалился спать. Проснувшись, я увидел, что погода была чудесной, стояло бабье лето. Я заметил в соседнем окопе другого разведчика, Колю Карлова и перебежал туда. День был спокойный, перестрелка была редкая, и мы болтали, вспоминая довоенную жизнь.

Окоп был мелким, и колина голова периодически мелькала над бруствером. Вдруг ушанка слетела у него с головы. Мы не поняли в чем дело, но когда он поднял ее, мы увидели, что на том месте, где обычно прикалывают звезду, была маленькая дырочка, а на обратной стороне - большая дыра, из которой торчали клочья ваты. Самое странное, что на черепе у Коли не было даже царапины. Какой-то дотошный снайпер даже в такой прекрасный день, вместо того чтобы наслаждаться природой, исполнял свой долг. Мы посмеялись и порадовались колиному везению. (Вечером, когда Коля осознал, что был на волосок от смерти, он напился и всем демонстрировал свою шапку.)

Продолжая смеяться, я оглянулся вокруг. В соседних окопах находились молодые солдаты-сибиряки, которыми пополнили наш батальон несколько дней назад. И тут мы увидели то, что заставило нас перестать смеяться. Один из них вылез из окопа, встал в полный рост, прицелился в сторону немцев и выстрелил. Чтобы Вы могли представить необычность происшедшего, вообразите, что Вы увидели на улице человека, ползущего на четвереньках. На передовой, где все время свистят пули и осколки, нормой является сидение в окопе, ползанье по-пластунски, быстрые перебежки, согнувшись в три погибели. Встать в полный рост над окопом - это безумие. Я подумал, что он выискал особо важную цель и выглянул из окопа. В полукилометре от нас виднелись немецкие окопы, но там ничего необычного не было.

После выстрела сибиряк спрыгнул в окоп. Мы с Николаем недоуменно переглянулись и продолжали беседовать. Но тут из окопа выскочил второй сибиряк, не целясь, выстрелил, передернул затвор, выстрелил еще раз и спрыгнул в окоп. Тут до нас дошло: ребятам стало скучно сидеть в окопе, и они играют в своего рода рулетку: кто дольше простоит под пулями. Такую игру со смертью мне видеть еще не приходилось.

Надо сказать, что смелость у ребят-новобранцев обычно проходит три стадии: вначале они безрассудно храбры, не понимая и не чувствуя опасности. В своем юношеском эгоцентризме каждый из них не понимает, как это может убить именно его, такого неповторимого. После участия в атаке, когда они видят падающих мертвыми своих товарищей, когда пули и осколки прошивают их шинели, наступает вторая стадия - панического страха. Немецкий танк может быть еще за два километра, а боец, находящийся в таком состоянии, в панике выскакивает из окопа и несется прочь. И только потом некоторые вступают в стадию холодной трезвости, умения различать подлинную и мнимую опасность, приобретают способность подавлять в себе страх и, наконец, совершать смелые поступки, когда этого нельзя избежать, не уронив себя в глазах ребят.

Тут из окопа опять выскочил первый сибиряк, не целясь, быстро щелкая затвором, сделал три выстрела и спрыгнул в окоп. Одновременно с третьим выстрелом несколько пуль просвистели рядом. Немцы включились в игру.

Ребятам, конечно, везло. Голубое небо и яркое солнце расслабляли. И мы, и немцы наслаждались хорошей погодой, и стрельба была редкой.

Второй сибиряк начал дозаряжать винтовку, намереваясь выскочить из окопа. Мы с Николаем начали давать советы, "болея" за игроков.

- Подожди, не торопись, выжди какое-то время, - вспомнив о снайпере, который сшиб с него шапку, крикнул Николай, - пусть немец расслабится и опустит винтовку.

Наконец сибиряк выскочил из окопа. С молниеносной быстротой он передергивал затвор и, не целясь, нажимал на спусковой крючок. Четвертый выстрел он делал, уже спрыгивая в окоп.

Даже нам в соседнем окопе было видно, как побелело его лицо. Мы решили, что игра на этом кончится. Но тот, первый, сосредоточенно начал загонять патроны в магазин.

- Убьют, - сказал Николай.

- Необязательно, - из чувства противоречия возразил я, - Ну, может быть, после четвертого выстрела.

- Спорим, что раньше, - сказал Николай.

- Идет.

- Выскочи из другого места, - крикнул я сибиряку.

Он посмотрел на меня отрешенным взглядом, но все же передвинулся в другой конец окопа. Чувствовалось, как борются в нем гордость и осторожность. Лицо поочередно выражало то решимость, то растерянность.

Пятый выстрел он сделал, уже падая в окоп. Мы с Колей перебежали к нему. На шапке, чуть ниже того места, где прикрепляют звездочку, виднелась дырка.

На следующий день Коля Карлов как член партбюро батальона отправил похоронную со словами: пал смертью храбрых.

ЧТО ПИЛИ НА ФРОНТЕ

Стремление выпить присутствовало на фронте всегда и всюду. Пили все, что удавалось достать. Пока наше училище стояло в Грузии, пили виноградный самогон - чачу. Хорошая чача чем-то похожа на шотландское виски. Когда воевали в Северной Осетии, пили самогонку из кукурузы - араку. В подвалах оставленных осетинских домов часто стояла одна, а то и две 20-литровых бутыли довольно крепкой араки.

Когда бои переместились на Кубань основным напитком стала самогонка из свеклы. Сразу чувствовалось, что вековых традиций в технологии ее производства у казачества еще не накопилось. Тонкий слой ценителей ее не уважал. В районе Краснодара стала встречаться пшеничная. Иногда вполне приличная.

Официально нас поили в двух случаях: фронтовые 100 г перед атакой или, когда "его" оказывалось столько, что некуда было девать. Помню, в районе Пятигорска после захвата винных подвалов нам несколько дней давали по стакану прекрасного дессертного вина, если не изменяет память "Сильванер". Ничего лучшего с тех пор мне не попадалось.

Фронтовые давали не до, а после атаки, вечером: оставшимся в живых доставалось больше. Никто против такого порядка не возражал, поскольку каждый перед атакой считал, что его-то уж не убьет. Тем более, что в нашей гвардейской авиадесантной поднимались в атаку и без нее. И не потому, что были сознательными, а потому, что поступали "как все", общиной. А вот кто принимал перед атакой как следует, так это командир, который должен был подняться первым.

В связи с выпивкой случались и курьезные случаи... Ворвавшись однажды первым в немецкий блиндаж, я, как было принято, начал высматривать трофеи (потребность взять что-то с побежденного, по-моему, заложена в человеке генетически. Африканский воин съедал печень побежденного... Наполеон, понимая это чувство, отдавал захваченный город на разграбление солдатам. Бойцы Первой Конной, как рассказывал один из них, профессор Венжер (известный тем, что вступил в дискуссию со Сталиным), ворвавшись в Крым, первым делом бросались грабить усадьбы).

Итак, оглядев блиндаж, я не увидел ничего интересного. На перевернутом ящике, заменявшем стол, стояли почти пустые бутылки, лежали

ящике, заменявшем стол, стояли почти пустые бутылки, лежали подмоченная пачка горохового концентрата и какая-то картонная коробочка. Убедившись в очередной раз в немецкой аккуратности, я быстро допил из бутылок остатки шнапса и, засунув в карман концентрат и коробочку, присоединился к остальным.

На следующий день обстановка стала более спокойной, и я, сидя в окопе, стал изучать содержимое коробочки. Там были какие-то голубоватые прямоугольные таблетки и складная металлическая подставка. На самой коробке было написано, как я понял со своим школьным английским, "сухой спирт" и более мелко - "две таблетки на стакан".

"До чего же все-таки дошлый народ немцы," - подумал я. "Надо же до такого додуматься. Две таблетки - и готова выпивка". Я бросил в кружку две таблетки, измельчил их ложкой, налил воды и начал помешивать. Порошок оседал на дно, не растворяясь. Я сделал глоток. Вкус воды. Начал снова изучать инструкцию на коробке. Там была изображена кружка, стоявшая на подставке, под которой горел маленький огонек. Все понятно. Недаром же у меня было "отлично" по химии. Я собрал вокруг окопа сухие веточки, развел костерок и начал подогревать кружку.

В это время раздалась команда строиться. Я начал лихорадочно мешать содержимое кружки. Осадок не исчезал. Надо было кончать. Я приложился к кружке и осушил ее. Вода как вода. Крепости никакой. Подобрал ложкой осадок. Почти безвкусный, скрипит на зубах. ...Шагаю в строю и жду кайфа.

Через 30 лет, мой друг-химик, которому я поведал эту историю, сказал: "Вполне мог отдать концы".

Мораль: Дети! Хорошенько овладевайте иностранными языками и не стремитесь к кайфу любой ценой.

САМООБУЧАЕМОСТЬ

В наш век научно-технической революции свойство, называемое самообучаемостью, признается весьма ценным. На фронте оно тоже было крайне необходимо, помогая быстро осваиваться в новых опасных ситуациях.

Для примера опишу поведение типичного юноши во время двух бомбежек. Когда он попал под бомбежку впервые в жизни, в нем все дрожало от страха. Казалось, что каждая бомба летит именно в него. Он метался по окопу, то собираясь выскакивать из него и бежать, то прижимался к его стенкам. И в то же время, помимо его сознания, какой-то центр в мозгу собирал информацию: фиксировал порядок захода немецких самолетов на бомбежку, действия, предшествовавшие сбросу бомб, траекторию их полета и неизвестно, что еще.

Спустя месяц этот юный, но уже опытный солдат вел себя во время бомбежки совсем по-другому... Эскадрилья "юнкерсов" приближалась к колонне автомашин, застрявших в пробке на въезде в Грозный. Группа солдат, остаток разбитой части, искавшая сборный пункт, отдыхала в двухстах метрах от шоссе. Все эти дни их никто не кормил, каждый питался, как получится, и они были постоянно голодны. Наш герой, например, выменял у чеченского подростка чурек за гранату.

Увидев, что немецкие самолеты собираются бомбить колонну, он помчался к ней, под бомбежку. Навстречу бежали шоферы и солдаты, сопровождавшие грузы автомашин. "Юнкерсы" уже образовали, как обычно перед бомбежкой, круг. Начинать они собирались с хвоста колонны, и он помчался к голове. Все это время, что бы он ни делал, он каким-то образом следил за самолетами. Продолжая бежать, отметил, что первый самолет вошел в короткое пике и выпустил серию бомб. "Это не мои," - зафиксировал он и вскочил в близстоящий грузовик. Ничего интересного. Быстро выскочил и запрыгнул в следующий. Наконец-то. Берет из большого фанерного ящика буханку хлеба и одновременно смотрит в небо: очередной "юнкерс" сбросил очередную порцию бомб. "Не мои". Оглядывает кузов. Многообещающий наполненный мешок. Протыкает его кинжалом (к тому времени он выбросил трехлинейку и обзавелся АВТ - автоматическая винтовка Токарева со штыком-кинжалом). Посыпался сахарный песок. Подставляет карман.

Круг "юнкерсов" сместился к центру колонны, взрывы уже недалеко. Пожалуй, пора. Но тут ему попался на глаза ящик банок с маринованными огурцами. Гурманство победило осторожность. Он отдирает кинжалом несколько планок, хватает бутыль. Бросает взгляд в небо. Летят. "Мои". Кидается к борту, спрыгивает и что есть сил несется от шоссе. Боковым зрением улавливает яркую вспышку там, где только что стояла машина, и бросается на землю. Пронесло.

Надо сказать, что на фронте встречались люди, не умевшие или не желавшие приспосабливаться. На передовой их жизнь довольно скоро прервалась...

Командир первой роты вызывал всеобщее уважение солдат. Это был статный, широкоплечий среднего роста мужчина, с открытым, доброжелательным лицом. Он выделялся среди других командиров тем, что носил белоснежный новый полушубок. Даже командир батальона, значительно реже попадавший в опасные ситуации, носил неяркую серую шинель. Но главное, чем он заслужил наше уважение, было то, что он сам водил роту в атаку. Как сейчас помню его выбирающимся ранним утром из окопа, поднимающимся в полный рост и идущим на немцев. За ним поднималось его ближайшее окружение, а затем и вся рота. Даже несмотря на предупреждения он не менялся. Все также носил белый полушубок и сам водил роту в атаку.

Вообще-то после каждой атаки выбивало (убивало и ранило) подавляющую часть роты. Но ему сильно везло, и он воевал чуть ли не месяц. За это время освобождались должности в штабе, и он, как и другие, мог бы перейти туда, но он почему-то оставался ротным. Мы, разведчики, понимали, что так долго продолжаться не может. Командир нашего взвода разведки как-то вечером сказал: "Бинокль него хороший. Вы присматривайте за ним".

...Подбирать бинокль выпало на мою долю... Мы пошли в очередное наступление. Рота выбила немцев из окопов и должна была захватить населенный пункт. Я увидел командира роты вышедшим из-за угла дома и что-то рассматривающим в бинокль. "Зачем он вышел? Достаточно было высунуть голову. Ведь немцы совсем близко," - подумал я. И вдруг он упал. Я подбежал к нему. Он лежал на спине, разбросав руки. Над переносицей виднелась рана. Из нее периодически вырывался фонтанчик красно-серого вещества.

Рядом лежал бинокль.

БОРИНА ПОПОЧКА

Боря Римбург был солидный двадцатилетний разведчик, служивший в части со дня ее формирования. Взяли его в армию со второго курса математического факультета Минского университета. Героем случая, о котором я расскажу, оказался он.

В февральскую метельную ночь 43-го года я стоял в проеме окна барака МТС и давал короткие очереди, когда какие-то силуэты - то ли немцы, то ли снежные вихри - появлялись в поле зрения. С другого конца барака меня кто-то поддерживал и тоже пускал автоматные очереди. Так, помогая друг другу, мы удерживали барак. Вообще-то его можно было давно оставить. Еще засветло отсюда ушли наши солдаты, а затем и наш взвод разведки. Метрах в ста позади, за бараком, проходили бывшие немецкие окопы, и наш батальон обосновался там. Мы тоже имели полное право уйти, но чувствовали, что можем еще держаться и не отходили. Немцы стремились отбить свои окопы, но вначале им надо было занять барак.

Вот застрочил опять тот, другой, с другого конца барака. Я посмотрел в окно. Впереди опять метались то ли вихри, то ли фигуры в белых маскировочных халатах. Я начал давать длинные очереди. Потом тот, дальний, замолчал, и я последовал его примеру.

Захотелось расслабиться. Я опустил автомат и прислонился к притолоке. И тут меня что-то насторожило, хотя никаких звуков не было. Я встревоженно бросил взгляд на раскрытые ворота барака. В их проеме вырисовывались силуеты в маскировочных халатах. Немцы. Они стояли неподвижно, видимо, всматриваясь в темноту барака. В одно мгновенье несколькими беззвучными прыжками я пересек барак и выскочил в противоположное окно. Благополучно добежав до окопов, я присоединился к разведвзводу.

О том, что случилось с тем вторым, и кто он был я даже не подумал. На фронте это было в порядке вещей. Война так быстро тасовала нас, что мы не успевали узнать друг друга. После каждой атаки в батальоне почти поголовно выбивало рядовой состав. Фронтовая дружба, о которой часто пишут, возникала в более стабильных частях: авиации, артиллерии и других.

В эту же ночь, когда я находился в боевом охранении, на меня вышел немецкий патруль. В схватке с ним я был ранен и попал в госпиталь. Он помещался в станичной школе. Мы лежали на полу на матрацах. В окна светило солнце, гул боя доносился издалека. По проходу время от времени на костылях ковыляли раненые. И тут показалась странная фигура. Человек передвигался на четвереньках, на пятках и руках, коленями вверх. Когда он подполз ближе, я узнал Борю Римбурга.

- Как, ты жив! - воскликнул я. - А мне сказали, что ты сутки, как пропал.

И тут Боря поведал, что с ним произошло. Оказывается тем вторым в бараке был он. Ворвавшихся в барак немцев он заметил слишком поздно. Бежать было невозможно. Он соскользнул в находившуюся около него ремонтную яму и затаился. Через какое-то время один из немцев посветил в яму фонариком, но приняв Борю то ли за труп, то ли за обтирочное тряпье, отошел и расположился рядом. Периодически, пытаясь согреться, он топал ногами над бориной головой.

- Боря, а как же твой кашель? - спросил я. Дело в том, что он иногда сильно закашливался, причем зачастую в неподходящих ситуациях. Из-за этого его могли бы вывести из разведки, но перевешивали другие качества, и он оставался самым старым разведчиком в нашем взводе.

- Ни разу не кашлянул и не пошевельнулся за всю ночь.

- А что у тебя за ранение?

Боря показал на стопы ног и, усмехаясь, похлопал себя по мягкому месту.

- Отморозило.

Пока он сидел в яме долгую февральскую ночь, его в этой позе и приморозило.

В дверях появилась медсестра и, посмеиваясь, сказала:

- Римбург, в операционную.

Раненые оживились, раздались советы и подбадривающие возгласы.

- Боря, не разгибайся, а не то отрежут не сзади, а спереди.

- Боря, не давай резать до конца.

- Боря, - спросил я, - ты в самом деле и его отморозил?

- Да нет, это они шутят. Мне опять будут урезать ягодицы. Никак не доберутся до здоровой ткани.

Боря попопз в операционную.

Все время Борина попа была в центре внимания раненых, шуткам не было конца. Боря добродушно посмеивался и, как всегда, отмалчивался.

Через пару дней нас отправили в разные госпитали, и я Борю больше не видел.

Если кто-то знает что-либо о нем, пожалуйста, сообщите.

РАНЕНИЕ

- Где ты пропадал? - набросился на меня командир взвода разведки. - Комбат приказал выставить боевое охранение, а ни одного бойца нет.

- Да мы барак удерживали. Отбили две атаки. Сейчас они его заняли. Я еле успел выскочить в окно.

- Ладно, хватит байки рассказывать. Иди!

- Вань, напарника дай.

- Обойдешься.

Я вылез из окопа и пошел в сторону барака, из которого только что убежал. Метров через сто наткнулся на трансформаторную будку и залег за ней. Борясь со сном, я то смотрел в сторону немцев, то клевал носом.

Вдруг показались человеческие силуэты. Я приложил к плечу автомат и стал подмядать, когда они подойдут ближе. Я уже был готов нажать на спусковой крючок, когда уловил что-то похожее на русскую речь. Я подпустил их еще ближе и убедился, что это наши. Я вышел из-за будки и позвал их к себе. Они сначала замерли от неожиданности, потом подошли. Оказалось, что они из бригады морских пехотинцев, которая накануне заняла станицу и, захватив грузовик со шнапсом, перепилась. Оклемавшись в каком-то из огородов, они выбрались из станицы, снова занятой немцами, и пробирались к своим. Я указал им путь и снова залег за будку.

Через час или два история повторилась. Еще два морячка вышли на меня, в поисках наших.

Через какое-то время опять показались силуэты. Когда они подошли ближе, я, не поднимая автомата, вышел навстречу.

- Сюда, ребята, - позвал я.

"Ребята" сделали какое-то непонятное движение, и справа от меня сверкнуло пламя. Как будто обухом кто-то ударил меня по плечу. Я выронил автомат и кинулся назад. Но тут осознал, что бегу без автомата и вернулся за ним. Немцы исчезли. Я схватил автомат и побежал к своим.

Разыскав комвзвода, я доложил, что приближаются немцы и что ранен. Мне показалось, что у меня нет правой руки, и я начал умолять Ивана застрелить меня. Вместо этого Иван позвал санитаров. Санслужба была готова к приему раненых, поскольку через пару часов должна была начаться атака. Я оказался первым из них. Прибежавшая медсестра быстро перевязала мне голову. Меня под руки довели до дороги, положили на подводу. Подвода тронулась, я потерял сознание. Пришел в себя на операционном столе.

ШВЕЙЦАРСКАЯ СИСТЕМА

Персонал военно-санитарного поезда состоял в основном из женщин. Это были сестры и санитарки, совсем еще девочки, недавние школьницы. Мужская часть состояла из нескольких человек охраны и проводников. В поезде царила атмосфера влюбленности. Жизнь персонала состояла из двух частей: изнурительных рейсов, когда раненых везли с фронта в госпитали, и отстоев в ожидании следующих поездок к фронту. Во время отстоев жизнь была почти беззаботной. Проходили репетиции самодеятельности, хора. Соревновались с хорами других поездов, давали концерты местному населению. По вечерам собирались в купе первого вагона, где было что-то вроде клуба.

Однажды среди девочек разгорелся спор, как надо целоваться, и кто целуется лучше. Решили проверить теорию практикой и устроили соревнование. Поскольку в тот вечер я оказался единственным мужчиной, меня назначили судьей. Сопротивляться я не стал, хотя опыта у меня не было.

Полученные в первом туре соревнования семь поцелуев повергли меня в замешательство: выделить лучший было невозможно. Тогда я стихийно изобрел что-то вроде швейцарской системы и назначил второй тур. После него я отбраковал Нину. Она нежно прикоснулась к моей щеке и смущенно упорхнула в дальний угол купе.

После третьего тура отстраняю Веру. Она поцеловала меня не так, как я этого ждал. Оправдываясь через несколько дней, она сказала, что не могла целоваться как следует в присутствии других.

Финальную пару составили младший лейтенант Тася и вольнонаемная Рая из Баку. Их поцелуи были на уровне: долгие и с обьятиями. Аудитория возражала против обьятий, считая, что это не предусмотрено программой. Но я, как судья, авторитетно заявил, что поезд качает, и оценить качество поцелуя могу только, когда меня поддерживают. Определить лучшую было невозможно. Я назначил повторные туры, пока зрители не запротестовали. Пришлось вынести решение, что победили обе.

Утром, проснувшись, я уловил на себе пристальный взгляд врача.

- Что у вас с губами?

Я хотел объяснить что-то, но губы не двигались.

Леонид Вегер
Москва

Last-modified: Fri, 08 Sep 2000 08:41:20 GMT
Оцените этот текст:Не читал1987654321